

INSPIRIA

КОММА СКЕТЧЕР

18+

АНОНИМНЫЕ

грешники

INSPIRIA

Сурсаке. Темная романтика. Сомма Скетчер

Сомма Скетчер

Анонимные грешники

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Скетчер С.

Анонимные грешники / С. Скетчер — «Эксмо»,
2021 — (Circake. Темная романтика. Сомма Скетчер)

ISBN 978-5-04-256438-3

Абсолютный хит TikTok в жанре мафиозного романа. Первая книга в серии бестселлеров «Опасные грешники». Она исповедовалась дьяволу. Дьявол влюбился... Добро пожаловать в жестокий мир клана Висконти, где любовь — смертный грех, а горячая телефонная линия для исповедей — изощренное оружие. Он слушал каждое ее слово, каждый шепот, каждое признание. Ему известны все ее страхи, соблазны и слабости. И это делает ее такой желанной... Рори Картер совершает плохие поступки. И единственный способ для нее не сойти с ума — регулярные исповеди на «Анонимных грешниках», горячей телефонной линии для тех, кто хочет облегчить душу. Но несмотря на все свои грехи, Рори решается на один значительный поступок: принести себя в жертву мафии ради спасения отца. Рори соглашается выйти замуж за криминального босса Альберто. Это часть ее сделки с дьяволом — сделки, которая пугает ее до мурашек. Она еще не знает, что настоящий дьявол — вовсе не Альберто, а его племянник — Анджело Висконти. Этот мужчина — не рыцарь в сияющих доспехах. Он — чудовище в костюме от Армани. Прекрасное чудовище с острыми скулами, рельефными мышцами, буйным нравом и темной душой. Анджело смотрит на Рори так, будто она принадлежит ему. И когда его рука сжимает ее бедро, а губы шепчут: «Признайся в своем грехе, Аврора», — она понимает: самый страшный грех — это он сам. «Из всех моих грехов ты — самый любимый». Сомма Скетчер — автор международных бестселлеров в жанре темного и мафиозного романа. Она наиболее известна своей серией «Опасные грешники» и умением создавать самые медленные слоуберны из слоубернов (о чем нисколько не жалеет). Когда она не пишет, то пытается найти себе новое хобби — вроде гончарного дела (полное фиаско), фигурного катания (тоже не задалось) или слушает тру-крайм подкасты. Еще она обожает собак и не доверяет тем, кто их не любит.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-256438-3

© Скетчер С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

От автора	7
Девятью годами ранее. Анджело	8
Глава первая. Рори	13
Глава вторая. Рори	16
Глава третья. Рори	25
Глава четвертая. Рори	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сомма Скетчер

Анонимные грешники

Somme Sketcher

SINNERS ANONYMOUS (Sinners Anonymous #1)

Copyright © 2021. SINNERS ANONYMOUS by Somme Sketcher the moral rights of the author have been asserted

COVER DESIGN © Kirsty Still – The Pretty Little Design Co.
www.theprettylittledesignco.co.uk

Перевод с английского *Марины Кокты*

Художественное оформление суперобложки *Веры Уваровой*

© Кокта М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

От автора

Дорогие читатели,
спасибо, что выбрали книгу «Анонимные грешники». Надеюсь, вам понравится читать ее так же, как мне нравилось ее писать.

Прежде чем вы углубитесь в чтение, вам следует знать, что эта книга – темная романтика. В ней есть несколько триггерных тем, в том числе разговоры о самоубийстве и сексуальном насилии. Пожалуйста, читайте на свой страх и риск.

С любовью, Сомма х

Девятью годами ранее. Анджело

Женщины семьи Висконти обожают соревноваться друг с другом на похоронах. И не важно, кто скончался: их мама или двенадцатипородная прабабка, они всегда устраивают гребаное состязание – кто из них умеет горевать сильнее.

Стоны, всхлипы, вздохи. Я еще могу выносить те слезы, что смахнут носовым платком или промокнут смятой бумажной салфеткой. Но вот от плача другого рода мне хочется броситься в могилу к покойному. От воплей, стенаний и пронзительных вскриков.

Оторвав глаза от епископа Фрэнсиса, я пронзаю разъяренным взглядом свою двоюродную бабушку Эсме.

Чертovo бульканье.

– *Gesù Cristo*¹, – бурчит себе под нос мой кузен Тор на скамье позади меня. – На прошлой неделе я перерезал глотку одному ублюдку. Так вот звук был один в один.

По нашему ряду пробегает шепоток, и я бросаю взгляд влево, на своего брата Рэйфа. Он сидит, прикусив нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Поймав мой взгляд, он вздергивает бровь, словно говоря: «Ну а что? Смешно же». Рядом с ним еще один мой брат, Гейб, смотрит прямо перед собой, стиснув челюсти.

Епископ Фрэнсис продолжает бубнить, проводя панихиду. Когда бульканье бабушки Эсме становится громче, троюродная сестра, приехавшая с Сицилии специально по такому случаю, решает, что не даст себя переплюнуть. Истошно вскрикнув, она протискивается вдоль сидящих на скамье, покает в сторону алтаря и опускается на колени перед гробами с пронзительным плачем, похожим на звук, с которым сдувается воздушный шарик.

Я даже не помню, как ее зовут.

Кто-то отрывисто бормочет извинения на итальянском. На меня бросают беспокойные взгляды. Один из кузенов идет за ней и оттаскивает обратно на скамью, приподняв край ее кружевной вуали, чтобы и поругать, и успокоить.

Но епископ Фрэнсис потерял ход своих мыслей. Что-то невнятно бормоча, он шуршит листками бумаги, а я чувствую, как на рядах сзади меняется настроение.

И это понятно. Католические похороны тянутся бесконечно долго. Еще дольше, когда хоронят двоих, один из которых – священник. С каждой секундой деревянные скамьи становятся жестче, а мысли переключаются со случившегося горя на гранд-отель «Висконти» в Девилз-Коув, где состоятся поминки.

Никто не закатывает таких вечеринок, как недавно почившие Висконти. Что уж говорить, если их двое.

Епископ смотрит на скамью в первом ряду и встречается взглядом со мной. Я коротко киваю ему в знак того, что мессу можно заканчивать. Никто в этой церкви не хочет выбраться отсюда сильнее, чем я. Он прочищает горло и окидывает взглядом присутствующих.

– Возлюбленные сестры и братья, семья погибших просит вас собраться в церковном дворе, чтобы предать тела земле.

На меня устремляются глаза, полные жалости и невыплаканных слез. Мы с братьями встаем, и, задержав последний взгляд на гробах, я сглатываю ком в горле, расправляю плечи и иду на задний двор церкви.

Широким шагом я прохожу сквозь море шепотков, не сводя глаз с кованых железных дверей впереди.

Почти дошел. Почти дошел.

¹ Иисус Христос (итал.). (Здесь и далее прим. пер.)

В моем нагрудном кармане жужжит телефон. Я надеюсь, это звонит мой помощник, чтобы сообщить, что самолет заправлен и готов вылетать обратно в Лондон.

Министрант с усилием открывает двери, на мгновение я останавливаюсь на ступенях и закрываю глаза, чувствуя, как ледяной ветер бьет по лицу и морозный воздух щиплет за нос. Здесь, на утесе, погода всегда была суровее, чем внизу, в городе: порывы ветра резче и дожди сильнее. Мама, вечная оптимистка, напомнила бы нам, что, хотя зимой здесь холоднее, чем внизу, летом же всегда жарче.

В жизни все всегда в равновесии, Анджело. Хорошее всегда уравновешивает плохое.

Когда я открываю глаза, Рэйф стоит по одну сторону от меня, Гейб – по другую. Они оба вслед за мной смотрят на низко нависшие тучи, раздутые животы которых предвещают бурю.

Рэйф фыркает.

– Какой прекрасный день, чтобы похоронить наших родителей.

Гейб молчит.

Мы идем по усыпанной гравием дорожке, петляющей между надгробиями, пока не оказываемся всего в нескольких ярдах от края обрыва. Два грязных прямоугольника зияют среди травы.

Я сжимаю кулаки.

Бок о бок. Вместе на веки вечные. На совместном надгробии родителей будет выгравирована благопристойная версия их истории любви. Я думаю о случайно забредших сюда туристах и всех, кто решит совершить утреннюю пробежку мимо кладбища, – они увидят эту надпись и поверят, что любовь существует.

Между тем ужасная правда будет похоронена на глубине шести футов под ними.

Какими бы романтичными ни были слова на мраморном надгробии, настоящей любви не существует. Это не что иное, как видоизмененная надежда на лучшее. Идея, за которую могут хватиться бедные и бессильные, когда ничего другого не остается.

Я смотрю на поток костюмов и кружев, который движется в нашу сторону через кладбище. Парням из мафии хорошо известно, что любви не существует. Дяди и кузены держат своих жен и подруг не за руку, а за запястье. Они могут предложить им лишь минимум утешений в надежде, что те заткнутся, а сами то и дело поглядывают на часы, прикидывая, когда же можно будет улизнуть к своим подстилкам, ослабить галстуки и забыть о своих обязательствах перед «Коза Ностра».

Мужчины Висконти тем более не влюбляются. Влюбленность подразумевает некоторую случайность, а в этом семействе все основано на холодном расчете.

Кто-то трясущейся рукой сжимает мое плечо.

– Алонсо бы понравилось его последнее пристанище, – говорит дядя Альфредо сдавленным от эмоций голосом. – Теперь он сможет любоваться своей церковью над ним и своим городом внизу. Он создал их из ничего, ты ведь знаешь?

Я коротко киваю ему, глядя на кучу грязи, которая вот-вот придавит мою мать. Он похлопывает меня по спине и отходит на шаг назад. Надо отдать дяде Альфредо должное, намеки он понимает.

Маму опускают первой, и я неожиданно для себя оседаю вместе с ней – с единственной женщиной в моей жизни, перед которой я встаю на колени. Мои кулаки упираются в грязь. Еще чья-то рука опускается мне на плечо, и по блеску перстня с цитрином я понимаю, что это Рэйф.

– Отец наш Небесный, поскольку ты призвал сестру Марию Висконти к себе, мы предаем ее тело земле, где оно обретет свое последнее пристанище, – громко говорит епископ Фрэнсис, и ветер тут же подхватывает его слова.

Бешеная ярость проникает мне в кровь, и снова появляется эта горечь, обжигающая горло. У нее вкус тайн и грехов, и сколько бы виски я ни влил в себя в самолете по дороге домой или после того, я знаю, что мне никогда не избавиться от нее.

– ...пепел к пеплу, прах к праху, – монотонно продолжает епископ.

Горит ладан, струйки дыма сливаются с утренним туманом. Затем наступает черед роз. Кроваво-красные, покрытые шипами, с глухим звуком они падают на крышку из красного дерева. Рэйф рядом со мной припадает к земле, подносит кулак ко рту и дует на него. Легким движением руки он резко бросает пару игральные кости, они соскальзывают с покато́й крышки и приземляются в щель между гробом и грунтом.

– Для моей Госпожи Фортуны, – хрипло произносит он, проводя рукой по волосам. – Удачи тебе там, мама.

Гейб тоже опускается на колени. Вместо того чтобы бросить розу, которую держит в руке, он наклоняется, припадает губами к дереву и что-то долго бормочет в сердечном порыве.

За последние годы я не видел, чтобы он столько говорил.

Дождь из цветов и открыток прекращается, и выжидающие взгляды устремляются в мою сторону.

Я медленно достаю кое-что из кармана. Обертка шуршит у меня в руке, а я аккуратно, чтобы не поломать, кладу вещицу на гроб.

Около меня раздается смешок.

– Печенье с предсказанием, – чуть слышно говорит Рэйф, и грустная улыбка трогает его губы. – И почему я не сообразил?

Мама верила в судьбу так же сильно, как в Бога. Ее ничуть не смущало, что она ни разу не видела и не слышала этого небесного авторитета, но доказательства существования судьбы она искала неустанно. Она выслеживала их повсюду. Будь то пятидолларовый расклад карт Таро на ярмарке или магический шар с предсказаниями на брелоке для ключей от дома.

Или чертовы печенья с предсказаниями. Мама жила по их подсказкам. Каждый день после ужина она разламывала одно печенье и доставала из него тоненькую полоску бумаги так аккуратно, словно это была какая-то драгоценность. Она находила смысл в любом самом туманном пророчестве, написанном на бумажке, и принималась менять и выстраивать свою жизнь в соответствии с ним.

Я принес именно то печенье, которое привело ее из Нью-Йорка в Девилз-Дип в штате Вашингтон.

Ищи надежду там, где воздух соленый, а обрывы крутые.

Она любила этот чертов городишко, потому что считала, что ей предначертано начать новую жизнь здесь. Интересно, видела ли она хоть раз, склонившись над столиком в фургоне гадалки или глядя на послание магического шара, что этот город принесет ей и смерть.

Теперь опускают отца. На его гроб накинута фиолетовая вуаль, а сверху сложены золотисто-зеленые одежды. Снова раздаются рыдания, громче, чем когда опускали маму. Я поднимаюсь на ноги и поворачиваюсь к морю, чувствуя каждую пару глаз семьи Висконти, прожигающую мне спину.

Я знаю, о чем они все думают. Смерть моего отца знаменует новую эру в «Коза Ностра», и она начинается с меня.

С нового капо² в Девилз-Дип.

Глядя на рыбацкие лодки и грузовые суда, покачивающиеся внизу на волнах, я вдруг ощущаю еще чей-то взгляд. Я поворачиваю голову направо, мой взор устремляется через кладбище на другую сторону неширокой проезжей дороги, где на автобусной остановке столпились люди.

Я сжимаю челюсти.

Чертовы местные жители. Одни уселись на скамейке, другие стоят, прислонившись к телефонной будке и скрестив руки на груди. И все они наблюдают за тем, как моих родителей

² Капореджиме – в итало-американской мафии представитель одной из высших «ступеней» в криминальной лестнице.

опускают в землю, и, судя по их недобрым взглядам и ярким нарядам, ни один из них не пришел сюда, чтобы почтить их память.

Я встречаюсь взглядом со стариком. Кожа на его лице огрубела и обветрилась, как и у любого рабочего, который всю жизнь провел, сражаясь со стихией, в порту, расположенном внизу. На нем кирпично-красный плащ и желтый шарф, и спустя пару мгновений его губы растягиваются в самодовольной ухмылке.

Отец всегда говорил, что темпераментом я отличаюсь от братьев. Их гнев разгорается медленно, как свеча, и его легко потушить. Мой же похож на фейерверк: подожги фитиль, и я взорвусь спустя пару секунд, не задумываясь о непоправимом ущербе, который могу причинить. *Ты бешеный, сынок.*

Отличная черта для капо.

Нет.

– Анджело, убери чертов пистолет, – шипит мне на ухо дядя Альберто, внезапно появившийся рядом.

Я даже не помню, как достал пистолет из-за пояса, не говоря уже о том, что нацелил его на самодовольного ублюдка через дорогу. Но теперь толпа разбегается, как испуганная стая голубей, в панике выкрикивая какие-то слова, которые заглушает шум ветра и разбивающихся о скалы волн.

Я оглядываюсь назад. Епископ Фрэнсис прервал речь, женщины семейства Висконти прекратили рыдать, и все уставились на меня с сочувствием, гневом или замешательством во взглядах. Все, кроме Рэйфа и Гейба, которые держат руки на пистолетах за поясами. Рэйф ловит мой взгляд и едва заметно покачивает головой.

Это плохая идея, брат.

Несмотря на то что я стою в нескольких футах от своих погибших родителей с гребаным пистолетом в руке, у меня из груди вырывается смешок.

Если Анджело прыгнет с обрыва, ты тоже прыгнешь?

Так всегда спрашивала мама у моих братьев, когда мы еще были пацанами и я втягивал их в какое-нибудь дерьмо. Поджечь старый сарай или обрезать тормозной трос на велосипеде, чтобы проверить, кто быстрее доедет от нашего дома на холме до озера внизу.

Их ответ всегда был неизменным. *Да.*

– Они пришли, чтобы убедиться, что отец действительно мертв, – рычу я.

– Нет, они пришли, чтобы взглянуть на человека, который заменит его. – Дядя Альберто встает передо мной, загораживая мне вид местных жителей, спешно забирающихся в грузовики и машины, и хватая меня за подбородок. В его взгляде смешались гордость и скорбь. – Жду не дождусь твоих дел, Бешеный. Отец будет гордиться тобой.

Мой подбородок напрягается под его пальцем, и он меня отпускает. Положив свою сильную руку мне на плечо, он ведет меня обратно к могилам, и епископ Фрэнсис воспринимает это как знак, что можно продолжить.

В могиле еще больше цветов. Дядя Альфредо опускает бутылку виски «Смаглерз клуб» специальной серии, а дядя Альберто снимает со своего запястья «Ролекс» и бросает в могилу.

– Много лет назад я выиграл их у старого подлеца. Твой старик никогда не умел играть в покер. – Он вытягивает шею, чтобы взглянуть на Рэйфа. – Не знаю, откуда взялся твой талант, сынок.

Моя очередь. Я не опускаюсь на колени, как перед могилой мамы, а наклоняюсь над гробом с черными четками отца в руке. Цепочка бусин в два оборота обмотана вокруг моего запястья, крестик качается на ветру, словно маятник.

Он никогда не снимал его.

Пока я не сделал это.

Я замираю, зажимаю крестик в кулаке и кладу обратно в карман своих брюк. Подняв голову, я вижу, как мой двоюродный брат Данте свирепо смотрит на меня с другой стороны могилы.

Когда гроб мамы опускают, земля с глухим звуком падает на крышку, каждый удар разносится все сокрушительнее. Я снова разворачиваюсь к морю, как раз в тот момент, когда вниз летят первые капли дождя.

Я опять достаю из кармана четки и подношу их к губам.

– Прости меня, Отец, – бормочу я, касаясь холодного металла, и капля дождя падает мне на щеку, – ибо я согрешил.

Рядом со мной появляется Рэйф. Спустя пару мгновений широким шагом к нам подходит Гейб. Позади нас все спешат к припаркованным машинам, прикрываясь от дождя зонтиками и сборниками церковных гимнов.

На горизонте вспышкой проносится молния.

Бог пытается добить меня.

– Будто сцена из «Короля Льва», – бормочет Рэйф в воротник рубашки, пряча руки в карманы. – «Все, чего касается свет, – твое королевство», или как там было. Это все твое, брат.

Я смотрю вниз, на мое так называемое королевство. Слева – выдавший виды старый порт, справа – маленький городок, приютившийся у подножия скалы. Я поворачиваюсь, чтобы окинуть взглядом побережье до самой темноты Девилз-Холлоу, а потом до бухты Девилз-Коув, которая даже в тумане и под дождем сверкает огнями, как гребаная рождественская ель.

– Мне оно не нужно.

Слова срываются у меня с языка, как я и предполагал.

Рэйф хлопает меня по спине, с такой силой, будто мы не стоим на краю обрыва очень ветреным утром.

– Высокая планка, брат. Но если кому и под силу до нее дотянуться, то это Бешеному Висконти.

– Я вылетаю обратно в Лондон через двадцать минут и больше не вернусь сюда.

Тишина пронзает ветер. Оглушительная. В конце концов я встречаюсь с жестким взглядом брата и сжимаю челюсти, пока он пристально смотрит на меня. Он выгибает бровь, высискивая признаки веселья на моем лице, но, в отличие от него, я не шучу.

Гейб, как обычно, молчит.

– Ты не вернешься в Девилз-Дип?

Я не вернусь к этой жизни.

Я не объясняю. Лишь киваю в сторону одиноко стоящей машины на обочине дороги. Водитель Рэйфа опускает стекло и нетерпеливо смотрит на нас. Рядом под деревом припаркован «Харлей» Гейба.

– Вам пора на поминки. Поговорим как-нибудь в другой раз.

Вена на виске Рэйфа пульсирует, в его взгляде вспыхивают вопросы, которые он не задаст. Повернувшись лицом к морю, я кладу четки в карман и провожу костяшками пальцев по своей мокрой бороде. Немного погодя раздается хруст мокрого гравия, и я понимаю, что братья уходят. Только когда рев мотоцикла Гейба затихает, я поворачиваюсь к могилам родителей.

Один из могильщиков, закапывающий гроб моей матери, останавливается и всем весом наваливается на черенок лопаты, опасливо глядя на меня.

Проходя мимо, я резким движением прикладываю пачку купюр к его грязной груди.

– Выкопай ее, – рычу я. – Моей маме здесь не место.

Глава первая. Рори

– Меня зовут Рори Картер, и я совершаю плохие поступки. – Ветер подхватывает слова, слетевшие с моих губ, и уносит их прочь с края обрыва над беспокойным морем.

Иногда мне нравится так делать. Произносить это вслух, когда вокруг никого нет, просто чтобы почувствовать вкус правды на языке.

Я не преступница. Я просто совершаю *плохие поступки*. Сомнительные с моральной точки зрения. Злые поступки, во имя мести. Я не всегда была такой, но теперь на моей душе появилось пятно, такое темное и стойкое, что я не в силах избавиться от него. Поэтому я перестала пытаться. Теперь я *исповедуюсь*.

Я подхожу на шаг ближе к краю обрыва, затаив дыхание, когда мелкие камешки из-под моих кроссовок скатываются вниз и исчезают в бушующем Тихом океане внизу. Ветер воет волком, словно предупреждая меня о надвигающейся буре. Отсюда, сверху, я вижу, как она маячит на горизонте, размытыми черными и серыми пятнами нависает над водой.

У меня вырывается горький смешок. К этому и должно было все прийти. Я стою на самом высоком утесе в Девилз-Дип, и дурные мысли лезут в голову. Что иронично, потому что впервые за последние три года я собираюсь совершить *благое дело*. Совершенно бескорыстный, самоотверженный поступок, на который никто в своем уме не решился бы, не будь он в отчаянии.

Я кручу кольцо на пальце и сглатываю ком, подкативший к горлу.

Если бы я... *прыгнула*? Что бы я почувствовала? Было бы больно? Все вокруг потемнело бы? Я не верю ни в Бога, ни в рай, ни в ад, но мне интересно, стала бы я кричать о своем раскаянии, пока не ударилась о поверхность воды, в последней попытке спасти свою душу?

Сжав руки в кулаки и засунув их в карманы толстовки, я приподнимаю ногу и переставляю ее на дюйм ближе к краю, так что под моими пальцами нет ничего, кроме воздуха.

По телу пробегает волна адреналина, и на мгновение я закрываю глаза и высовываю язык, пробуя на вкус соленую влагу и опасность. Я отдаю ветру контроль над моим телом.

Это самая большая свобода, которую мне дано испытать?

Затем я чувствую что-то еще. Что-то тягучее и горькое.

– Ты надеешься упасть или взлететь?

Ой, воробей.

Я резко распахиваю глаза и отпрыгиваю от края, чувствуя себя непослушной школьницей, которую застукали за тем, чего ей делать не следует.

Сердце колотится, я поворачиваю голову в сторону голоса и упираюсь взглядом в мужчину.

Он стоит не больше чем в футе от меня. Шикарный костюм, а скулы еще шикарнее, судя по его профилю. Они очерчиваются еще сильнее, когда он обхватывает сигарету губами и делает затяжку.

Дым. Вот что так пахло.

Он смотрит на океан так, будто ничего не говорил. Может, он и не говорил. Боже, как давно он стоит здесь? И откуда он пришел? Облизывая свои обветренные губы, я оглядываюсь назад, на дорогу, проходящую вдоль кладбища. Там как попало припаркован черный спортивный автомобиль, его передние колеса стоят на краю старой надгробной плиты.

Изначальный шок ослабляет хватку на моих плечах, уступая место другому чувству. Панике. Последний человек, рядом с которым я должна стоять на краю обрыва, это мужчина, который паркуется *вот так*. Потому что если у него нет никакого уважения к мертвым, то и на живых ему совершенно точно плевать.

Может, это Мрачный Жнец?

Я невольно усмехаюсь этой дурацкой мысли.

Снова смотрю на мужчину. Что ж, он и впрямь весь в черном. Только в дорогом на вид пальто вместо балахона, а в руке у него сигарета вместо косы. Тлеющие огоньки алеют на фоне мрачного неба, когда он делает очередную длинную затяжку.

Я убираю выбившуюся прядь волос под капюшон и ту же затягиваю шнурок под подбородком. Мне нужно уходить. Не только потому что от этого мужчины у меня холодок по коже, но еще потому что у Альберто повсюду есть уши и глаза. Мой сопровождающий, Макс, не стукач, но он вернется с минуты на минуту, и тогда...

– Дело в том, что если ты надеешься упасть... – Он нарочито шагает в сторону обрыва, и у меня сердце уходит в пятки. Он ведет себя так уверенно, будто заглядывает в бассейн через бортик, а не в бушующее море в ста пятидесяти футах под ним. – ...То придется долго лететь.

Столкни его.

Эта мысль вертится у меня в голове, такая нежеланная и отвратительная, что мне хочется облить ее кислотой. *Да что со мной такое?* Вместо того чтобы прокручивать мерзкие мысли, нужно сказать ему, чтобы отошел, или схватить его за руку, мои пальцы подергиваются от желания сделать это. Но я не делаю. Может, потому, что от страха у меня стынет кровь в жилах, или потому, что нездоровое любопытство терзает мне душу, но я не шевелюсь и молчу.

Я с болезненным восхищением смотрю на носки его кожаных ботинок, балансирующих на краю. Этот человек не просто не уважает мертвых, он не уважает *смерть*. Если он сделает полшага вперед или налетевший ветер внезапно сменит направление, он... *исчезнет*.

Я сжимаю кулаки. Пульс стучит у меня в висках так громко, что заглушает рев ветра.

Что бы я сделала, если бы он упал?

Вопрос вылетает из моей головы так же быстро, как он там появился. Конечно, я уже знаю, что сделала бы. Я бы пересекла кладбище, обогнула церковь и прошмыгнула в мою любимую телефонную будку через дорогу. Затем вместо того, чтобы позвонить в береговую охрану, я бы набрала номер, который знаю лучше, чем свой собственный, и призналась бы, что ничего не сделала, чтобы помочь.

Потому что так поступают заядлые грешники.

Только в тот момент, когда мужчина наконец-то отступает назад, я осознаю, что все это время не дышала. Я вдыхаю полной грудью, радуясь, что *испытываю* облегчение, а не разочарование. А это значит, что мои злые мысли не одержали надо мной верх в этот раз.

Я смотрю на его профиль, как раз когда он делает последнюю затяжку и щелчком отбрасывает окурок в воду. Затем он поворачивается, глядя мне прямо в глаза, как будто знает, куда смотреть.

Сердце замирает.

Уф, сокол. А он красивый.

Пронзительный взгляд зеленых глаз и квадратный подбородок, такой же резко очерченный, как и скулы. Это все, что успевает зафиксировать мое затуманенное сознание, прежде чем мужчина разворачивается ко мне спиной и лицом к мрачному горизонту.

Мое дыхание учащается. Он слишком близко. В опасной близости от меня, и теперь я чувствую себя так, словно опять занесла ногу над обрывом. Я стою рядом с ним, плечом к плечу, и стараюсь сохранять спокойствие. Стараюсь не дышать тяжело и не дергаться. Стараюсь не обращать внимания на то, как прикосновение его предплечья прожигает дыру на моем плаще, и на то, как от запаха его сигареты, смешавшегося с древесными нотками его лосьона после бритья, у меня твердеют соски.

Он наклоняется ниже к моему уху, и я напрягаюсь.

– Самоубийство – это грех, – хрипло произносит он, а его щетина царапает мне щеку. – Но в Девилз-Дип есть что-то такое, от чего хочется броситься вниз, правда ведь?

А потом он уходит, гравий хрустит под его кожаными ботинками.

Моя грудь тяжело вздымается, пока сердце пытается вспомнить свой привычный ритм.

Я стою в оцепенении, глядя на океан, пока не слышу урчание мотора и визг шин. После этого я, судорожно выдохнув, опускаюсь на колени прямо в грязь.

Кто он такой, черт возьми, и что, черт возьми... сейчас произошло?

Когда мое сердце утихает, а адреналин отпускает хватку, у меня в голове высвобождается место для новых мыслей. Например, о том, сколько сейчас времени. Ах да, и еще о том, что здесь наверху жутко холодно. Я бросаю взгляд на часы, буркнув птичье ругательство. Макс придет за мной к старой церкви меньше чем через три минуты, так что, если я хочу сделать свой обычный телефонный звонок, мне лучше собраться с мыслями.

Я поворачиваюсь спиной к краю обрыва и к его опасному очарованию и бреду по заросшей тропинке через кладбище. Я прохожу мимо церкви и пересекаю дорогу, цокая языком при виде черных следов от шин на асфальте, а потом захожу в телефонную будку рядом с автобусной остановкой.

Зажав трубку между плечом и ухом, я набираю номер.

После трех гудков включается автоответчик.

– Вы позвонили в «Анонимные грешники», – говорит механический женский голос. – Пожалуйста, признайтесь в своем грехе после звукового сигнала.

Дождавшись длинного гудка, я делаю глубокий вдох и изливаю душу.

Глава вторая. Рори

Готова поспорить, если бы стены этой столовой могли говорить, они бы умоляли Альберто Висконти заткнуться.

Как и в любой другой вечер пятницы, он сидит рядом со мной во главе стола, обхватив одной рукой свой стакан с виски. Мое бедро прижато к стулу другой его рукой, которая ощущается как якорь, тянущий на дно.

Однажды я услышала, как чистильщик бассейна назвал его *Балабол Альберто*. Он глава «Коза Ностра» в Девилз-Коув, и я слышала, как по-разному его называли – капо, босс, Большой Ал – но *Балабол Альберто*, безусловно, кажется наиболее подходящим прозвищем. Я быстро научилась отключаться от всех этих рассказов, но все же его баритон вибрирует у меня в ушах.

На мои столовые приборы ложится тень лакея.

– Мерло, синьорина?

– Сегодня у нее будет только один бокал, – рычит Альберто, прерывая свою историю. – Я не потерплю повторения того, что было на прошлой неделе.

Тишина. Она выходит за пределы длинного обеденного стола и простирается над холмами и каньонами. Я чувствую, как от веселой улыбки Тора вспыхивает одна моя щека, а вторую обжигает гневный взгляд Данте.

За ужином в прошлую пятницу я выяснила, что, когда мой бокал пустеет больше чем на две трети, лакей наполняет его доверху, не проходит и половины минуты. Беседа была такой чертовски скучной, что я проверила эту теорию слишком много раз, и после десерта я встала, покачнувшись на своих шпильках и, чуть не упав, схватилась за бархатную штору. И словно мне было мало получить медным карнизом по голове, Альберто решил к тому же ограничить мое потребление алкоголя, как будто я ребенок.

Съезживаясь от избытка внимания, я выдавливаю из себя улыбку и киваю лакею, как будто я полностью поддерживаю решение моего жениха. Когда лакей уходит, я едва сдерживаю вздох. В первый – и последний – раз, когда я вздохнула в присутствии Альберто, он дернул меня за волосы, собранные в хвост, так сильно, что у меня на глазах выступили слезы.

Я быстро поняла, что лучше выражать свое разочарование беззвучно, обычно я просто сжимаю руки в кулаки, пока ногти не оставят на моих ладонях отпечатки в форме полумесяца.

Ах да, или плюю в его ополаскиватель для рта.

Альберто продолжает радовать нас своей историей о том, как он вызвал сына Аль Капоне на поединок на мечах, а я отворачиваюсь, и мой взгляд блуждает по столу, намеренно избегая встречи хоть с кем-то из присутствующих.

Сегодня собрались только самые близкие родственники, но стол накрыт так, будто есть вероятность, что к нам может заглянуть королева Англии. Черная шелковая скатерть, столового серебра столько, что я не знаю, как пользоваться и половиной из этих приборов, и пышные цветочные композиции, которые стоят в опасной близости от пляшущих огоньков свечей. Перед застекленными створчатыми дверями, ведущими на пляж, за роялем тихо сидит пианист и ждет, когда Альберто щелкнет пальцами, подав сигнал к началу ужина.

Как, черт возьми, я здесь оказалась?

Два с половиной месяца назад я стояла на коленях на пороге белого особняка в колониальном стиле, принадлежащего Альберто, и молила о пощаде. Теперь же я живу незнакомой мне жизнью, играя роль второстепенного персонажа в истории, которой не понимаю.

На Дьявольском побережье всем известно, кто такие Висконти, потому что они владеют здесь почти всем. Каждым баром, отелем, рестораном и казино в Девилз-Коув. Заводом по производству виски «Смаглерз клуб» в Девилз-Холлоу. Единственный уголок на всем побережье, до которого они не дотянулись, – это мой скромный родной городок Девилз-Дип.

И если Альберто выполнит свою часть сделки, так оно и останется.

Сделав глоток воды, я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Данте Висконти. Он старший сын Альберто, его подручный и самый большой придурок на побережье. Он высокий, темноволосый и, как бы мне ни не хотелось это признавать, очень красивый. Каждая черта его лица словно высечена из камня, включая хмурую гримасу, исполосовавшую его лоб. Его взгляд темнеет, и я точно знаю, что он сейчас скажет, потому что он в обязательном порядке произносит это каждую пятницу за ужином.

– Во главе стола должны сидеть подручный и консьюери³, – тихо ворчит он, не обращая внимания на монолог Альберто. Он сжимает салфетку, лежащую возле его тарелки. – А не безделушка моего отца.

А вот и оно.

– Да ладно тебе, брат, – говорит Тор, растягивая слова, и подмигивает мне. – Аврора не подросток, ей двадцать один. Достаточно взрослая, чтобы пить, хотя недостаточно, чтобы держать себя под контролем.

Как по команде мне подают мерло в бокале размером чуть больше наперстка. Смушение сковывает мне грудь, и мой взгляд инстинктивно падает на нож для мяса, аккуратно положенный передо мной.

Заманчиво.

Но вместо того чтобы использовать столовые приборы семейства Висконти в качестве оружия, я делаю то, что привыкла: натягиваю на лицо фальшивую улыбку и проглатываю свою злость.

– Большой Ал сегодня держит тебя на коротком поводке, м-м? – говорит Тор, искривляя губы. Не дожидаясь ответа, он достает из кармана пиджака пачку сигарет, вытаскивает одну и зажимает ее в уголке рта. Шлепнув по бедру блондинку, сидящую рядом с ним, он бурчит: – Пойдем покурим, куколка.

Он неторопливым шагом проходит через столовую и распахивает настежь французские двери, впуская в дом ледяной воздух, от которого дребезжат стекла и по моей коже бегут мурашки. Его спутница бежит за ним, как потерявшийся щенок.

Я знала о Торе Висконти задолго до того, как его отец надел мне на палец кольцо с бриллиантом. Все девушки на Дьявольском побережье знакомы с ним, кто-то даже слишком близко. Пухлые губы, взъерошенные волосы и улыбка, способная растопить арктические льды. А еще эта дурацкая серьга в носу, которая сверкает каждый раз, когда он запрокидывает голову, ухмыляясь мне. Его внешность можно было бы даже назвать женственной, если бы не все эти татуировки и плечи шириной с футбольное поле.

Я делаю глоток вина и наблюдаю за ним через окно. Я узнаю в его спутнице одну из девушек Девилз-Дип. Она пытается говорить с утонченным акцентом и не выпускает из рук свою дизайнерскую сумочку, будто это спасательный круг, но я все равно вижу ее насквозь. Я смотрю, как она наматывает на палец прядь своих светлых волос, хихикая над каждым его словом.

Я все прекрасно понимаю. Во всем, что он делает, включая то, как курит сигареты и как носит костюм – с расстегнутым воротником рубашки и ослабленным галстуком, – есть что-то бунтарское, от чего девчонкам хочется снять трусики. Конечно же, не последнее значение имеет то, что он заправляет ночной жизнью в Девилз-Коув, так что даже если тебе не хочется оказаться в его постели, что вряд ли, тебе как минимум интересны его клубы. К тому же я вижу, как он смотрит на своих спутниц. Не отводит от них пристального взгляда из-под темных густых ресниц, прикусив нижнюю губу. Молчаливое обещание, что он целый мир бросит к их

³ Консьюери – советник или «правая рука» босса, близкий друг и доверенное лицо, своего рода старейшина мафии.

ногам. Но дальше мимолетных свиданий ни у одной из них дело не заходит. Они приходят на ужин один, может, два раза, а потом исчезают с лица земли.

– Принести вам что-нибудь, синьор Висконти? – негромко спрашивает лакей у Альберто, воспользовавшись паузой в его очередном рассказе.

– «Смаглерз клуб». Со льдом.

Да, *со льдом*. Причем подразумевается один кубик льда. За то недолгое время, что я знакома с семьей Висконти, я усвоила два пункта насчет них.

Во-первых, они не просто власть имущие, они самая настоящая мафия. Бессердечные сицило-американцы, в чьих жилах течет горячая кровь, они носят за поясом своих костюмов от Армани пистолеты «Глок», благодаря которым остаются в живых и от которых в конце концов умирают.

Во-вторых, они получают все, чего только захотят. В том числе и один кубик льда в стакане с виски.

– Скоро тебя станут называть *синьорой*.

Я поворачиваюсь к Амелии, которая сидит слева от меня.

– Прости?

Ее широкая улыбка смягчает резкие черты лица.

– *Синьора*. Видишь ли, синьоринами называют незамужних женщин, это все равно что «мисс» по-английски. Но всего лишь через месяц ты выйдешь замуж, стало быть, будешь *синьорой*. – Она убирает шелковистую прядь каштановых волос за ухо и улыбается. – *Синьора Аврора Висконти*. Хорошо звучит, ты так не думаешь?

От этого имени, как от скисшего молока, скручивает желудок, и если бы кто-то другой за этим чертовым столом произнес его, я бы точно знала, что меня хотят вывести из себя.

Но Амелия Висконти не такая. У нее мягкий голос, она добрая и, как я теперь понимаю, чертовски оторвана от реальности. Она сидит за этим столом по своей воле: она вышла замуж за Донателло Висконти, второго сына Альберто и, по совместительству, его консьюери. Он сидит по другую сторону от нее, просматривая какие-то бумаги, и, в отличие от Данте, ему совершенно плевать, что я заняла его место за столом.

Охотно верю. Туристический гид «Одинокая планета» называет гранд-отель «Висконти» «Бурдж-эль-Арабом северо-западного побережья Тихого океана», и в Девилз-Коув на квадратную милю насчитывается больше мишленовских ресторанов, чем где бы то ни было в мире.

– Совсем немного осталось до знаменательного события, – взволнованно шепчет мне Амелия, легонько толкая локтем.

Нехорошее предчувствие падает мне в желудок свинцовым шаром.

Может, Амелия и вышла замуж за одного из Висконти по любви, но я уверена, что это куда проще, если твой муж выглядит как итальянский Райан Рейнольдс. Достаточно взглянуть один раз на моего жениха, чтобы понять, что это не мой случай.

Альберто Висконти. Несомненно, в свои лучшие годы он был красив, и даже если кто-то не может такое вообразить при виде его огрубевшей кожи, копны седых волос и живота чудовищных размеров, достаточно лишь взглянуть на его сыновей, чтобы представить, каким он был раньше. Я уверена, что женщина, ставшая его первой женой, выходила замуж по любви. Черт, да может быть, вторая и третья тоже. Но почти семьдесят лет жизни, неубывающее богатство и постоянное ощущение мишени на спине не пощадили его.

Ах да, и еще тот факт, что он самый жестокий человек на всем побережье.

Я упираюсь взглядом в стеганные обои над головой Данте, и очередной вздох зарождается у меня в груди.

Моя жизнь должна была сложиться иначе. В ночь перед своим восемнадцатилетием я сидела на пирсе возле нашей маленькой хижинки и, делая вырезки из старых маминых журналов, составляла мудборд, карту вдохновения на следующие пять лет. Я вырезала мантию и

шапочку выпускника, рядом прилепила ксерокопию письма о моем приеме в Северо-Западную авиационную академию. Та девчонка... Ее чистое сердце было полно надежд. Плохие мысли не посещали ее, и она не совершала плохих поступков. Ей не приходилось звонить на горячую линию «Анонимных грешников» каждую неделю.

Что бы она сказала, увидев меня теперь? За одним столом с монстрами.

И сама стала монстром.

Пожалуй, я даже не могу обвинить Альберто в своих грехах, я стала ужасной за много лет до встречи с ним.

Я делаю глоток вина и снова бросаю взгляд на французские двери, за которыми раздается звонкий смех подружки Тора. Ветер все еще просачивается через щель в дверях, принося с собой запах сигаретного дыма. Внезапно я вновь оказываюсь на краю утеса, с которого открывается вид на Девилз-Дип. Мое тело отдано во власть ветра, моя правая кроссовка парит в воздухе.

Ты надеешься упасть или взлететь?

– Ой, воробей! – Острая боль пронзает бедро. Я опускаю взгляд и вижу, что Альберто повернул руку ладонью вверх и ведет ограненным камнем своего перстня по моей коже. – Какого...

– Аврора, Данте задал тебе вопрос, – говорит Альберто сквозь стиснутые зубы. Его глаза вспыхивают как сигнальные огни. – Невежливо игнорировать, когда с тобой разговаривают.

Я моргаю, снова опуская взгляд на свое бедро. На поверхности кожи выступает кровь и капля за каплей стекает к подолу моего платья.

На этот раз я не просто бросаю взгляд на нож для мяса. Мои пальцы так и тянутся схватить его.

Нет. Не так. Помни, зачем ты здесь, Рори.

Затолкав гнев поглубже, я хватаю салфетку, прикладываю ее к свежей ране и поворачиваюсь к Данте. Его лицо так и светится от веселья, и, мой гусь, как же я ненавижу кривую усмешку, в которую изгибаются его губы каждый раз, когда он вынужден смотреть на меня.

Он закидывает руку на спинку пустого стула Тора и поднимает бровь.

– Мы строим спа-центр на северном мысе.

– Оттуда открывается панорамный вид на море и ничего больше на многие мили вокруг. Русские туристы любят такую хрень, особенно зимой, – добавляет Альберто, перед тем как осушить свой стакан, и щелкает пальцами, чтобы ему налили снова.

Данте не обращает на него внимания.

– Там полный бардак. Густые леса, на вырубку которых уйдут целые месяцы, прежде чем мы сможем хотя бы подумать о закладке фундамента. – Он делает большой глоток виски, сверкая на меня глазами поверх ободка стакана. – Но самая большая проблема – это птицы. Они не затыкаются, что никак не вяжется с атмосферой спокойствия и умиротворения, которой мы хотим добиться. Надеюсь, что как только мы уничтожим их гнезда и среду обитания, они свалят по доброй воле, но если нет...

Он замолкает, и его намеки повисают над столом.

– Тогда нам понадобится более... *надежный* способ избавиться от них. Может быть, выкурить их оттуда или разбросать отраву по всему лесу. И я подумал, раз уж ты, Аврора, так любишь дикую природу, возможно, у тебя возникнут другие идеи?

Жар разливается по моим венам, несмотря на подступающий озноб.

Я втягиваю воздух ноздрями. Снова прижимаю салфетку к бедру.

– Что за птицы? – спрашиваю я самым спокойным тоном, на какой способна сейчас.

Он тычет мне в лицо своим телефоном.

– Не знаю. Один из моих людей прислал мне вот это фото. Может, ты узнаешь, кто это.

Я прищуриваюсь, глядя на зернистое фото на его телефоне, и чувствую, как кровь приливает к лицу.

– Данте, – хрипло говорю я. – Это же фруктовый голубь.

– Звучит экзотично.

– Экзотично? Они на грани вымирания! Охраняемый вид! Нельзя вырубать их лес! Вообще-то тебе нужно сейчас же позвонить в Службу охраны рыбных ресурсов и дикой природы.

Он откидывается на спинку стула, расплываясь в торжествующей улыбке. Он добился от меня ровно того, чего и хотел: реакции. Но мне плевать, мозг лихорадочно соображает, откуда вообще в Девилз-Коув взялись фруктовые голуби. Такие, как на фото, родом из Южной Австралии и Полинезии, из регионов с влажным климатом. Но опять же, я знаю, что их можно обнаружить во вторичных лесах – тех, что выросли на месте вырубленных. Я знаю местность, о которой он говорит, и я помню, как отец рассказывал, что раньше там была лесозаготовительная ферма, еще задолго до того, как Висконти приехали в Коув и превратили бухту в северо-западный тихоокеанский ответ Лас-Вегасу. К тому же в пещерах недалеко от Девилз-Холлоу есть заросли мангровых деревьев...

– Не-а.

Я поднимаю на него взгляд.

– Что?

Данте бросает на меня скучающий взгляд.

– Нет, я не стану звонить в Службу охраны ресурсов. Это же просто кучка хиппи, которые обнимаются с деревьями. Вроде тебя...

– Ты шутишь?

– Ты и так достаточно вмешалась в наши планы по строительству, тебе так не кажется? Будь твоя воля, все Дьявольское побережье было бы чертовым болотом.

Не успеваю я огрызнуться в ответ, как до нас доносится грохот с террасы. Данте подскакивает со стула, хватаясь рукой за пистолет, заткнутый за пояс. Амелия вскрикивает и хватается мужа за руку. На дальнем конце стола Виттория громко вздыхает, а потом возвращается к своему телефонному разговору.

Французские двери распахиваются настежь, и через них вальяжно заходит Тор со своей спутницей, которая приобняла его одной рукой за плечи. Она хихикает, покачиваясь на своих каблуках, ее глаза полуприкрыты.

Альберто что-то бормочет себе под нос на итальянском.

– Прошу прощения, – говорит Тор, ухмыляясь. – Скайлер упала. Она говорит, что зацепилась каблуком за дощечку террасы, – продолжает он, касаясь губами ее волос, – но я считаю, что она выпила слишком много грязных martinis.

Скайлер, покачиваясь и хихикая, уходит в сторону ванной комнаты, а Тор опускается обратно на свой стул.

– Скайлер, – мрачно бурчит Данте в свой стакан. – *Gesù Cristo*. Какое-то имя для стриптизерши, если оно вообще настоящее. – Он бросает взгляд на двери. – Нам еще даже закуски не подали, а она ходила в уборную уже три раза.

– Она, наверное, нервничает из-за свидания с таким сердцеедом, – резко отвечает Тор, подмигивая мне. Тор чуть менее невыносим, чем Данте, потому что он по крайней мере вовлекает меня в свои шутки, даже если они нацелены не на меня.

– Скорее она выясняет, сколько порошка поместится у нее в носу до того, как нам подадут крабовые котлеты. Надеюсь, она в курсе, что ты подмешиваешь себе в кокс транквилизатор для лошадей, потому что я не собираюсь выносить ее тело из гостевой ванной.

Тор с силой бьет по столу, его лицо искажается от гнева.

– Пошел ты. У меня кокс чище, чем история браузера любой монашки.

– *Basta*⁴, – шипит Альберто. Его голос звучит низко и тихо, но он пронзает воздух в столовой, как горячий нож масло. Его рука возвращается ко мне на бедро, и от жара его ладони моя свежая рана начинает гореть. – С меня достаточно. Эта семья не может без ссор провести даже один чертов ужин. Если бы ваша мать была здесь...

– Если бы наша мать была здесь, то напротив меня не сидела бы охотница за капо.

Тишина.

Тор тихонько присвистывает. Амелия нежно касается пальцами моего предплечья, а у Альберто вырывается стон.

Мне стоило бы сделать глоток вина, провести рукой по волосам и пропустить этот комментарий мимо ушей. Но мне чертовски нелегко быть такой девушкой.

– Охотница за капо? – Мой взгляд падает на нож для мяса, а потом на злое лицо Данте. – Что это значит?

Донателло с глухим звуком бросает свои бумаги на стол.

– Данте, не надо...

– Это значит, что ты выходишь замуж за моего отца лишь потому, что это единственный для тебя шанс выбраться из твоей глухомани. В Девилз-Дип полно таких девиц, – выплевывает он, показывая большим пальцем в сторону холла. – Держу пари, что потаскушка Тора из тех же трущоб, что и ты. – Поставив локти на стол, он подается вперед. Чистая ненависть в его взгляде и ужасает меня, и возбуждает. – Вы все одинаковые, черт возьми. Сиськи больше, чем интеллект, и такая же фальшивая улыбка. А знаешь, что я нахожу забавным? Вы никогда в жизни не нарушали закон, но охотно готовы закрыть глаза на что угодно и раздвинуть пошире ноги, лишь бы только ваша кредитка оставалась безлимитной, так ведь?

– Данте, – рычит Альберто. – Еще хоть слово, и я...

– Ты что? – недовольно спрашивает Данте, не отводя от меня взгляда. – Найдешь кого-то другого, кто будет делать за тебя твою работу?

Альберто вскакивает на ноги, Данте тоже резко встает со стула, смело встречая гнев Альберто.

Господи. Я все еще пытаюсь разобраться во всей этой мафиозной иерархии, но даже мне понятно, что выступать против босса – это нарушение всех законов «Коза Ностра». Даже если ты его подручный, который в целом всем и руководит, и даже если капо – твой распутный и вечно пьяный папаша.

Воздух раскаляется и тяжелеет от невысказанного раздражения и раздутого самомнения. Это больше меня. Стиснув руки в кулаки, я впиваюсь ногтями в ладони и мысленно выкрикиваю птичье ругательство. Я слишком трезва для всего этого, и, что еще хуже, *ужин еще даже не начался.*

Ночь предстоит долгая.

В конце концов Донателло разряжает повисшее в воздухе напряжение.

– Ладно, ладно, – вздыхает он, отодвигая свой стул, и обходит стол, чтобы втиснуться между ними. – Давайте все успокоимся и поговорим обо всем завтра. – Он вырывает из рук отца стакан с виски и ставит его на стол. – Мы все перебрали со спиртным и наговорили лишнего.

Они втроем, понизив голос, агрессивно бормочут что-то друг другу на итальянском. Тор ловит мой взгляд и ухмыляется, а потом выскальзывает на улицу, чтобы еще покурить.

Кто-то подталкивает меня в бедро.

– Аврора, ты в порядке?

Я поворачиваюсь и, встретив добрый взгляд Амелии, понимаю, что я не в порядке.

Это не я.

⁴ Хватит (*итал.*).

Я не тупая блондинка-охотница за деньгами, которой меня считает каждый в этой семье, и мне уже тошно играть эту роль. Мне до смерти надоели эти высокие каблук и короткие платья, которые Альберто заставляет меня носить. Меня тошнит от ухмылок и закатывания глаз и оскорблений от людей, которые даже не помочились бы на меня, если бы я горела. От сопровождения в поездках и бессонных ночей, во время которых я лежу, уставившись в позолоченный потолок спальни Альберто, гадая, не задохнусь ли я под его животом, когда он наконец взгромоздится на меня в нашу первую брачную ночь.

Ненавижу Висконти.

И как же бесит, что у меня нет другого выбора, кроме как смириться с этим и улыбаться.

– Аврора?

И меня тошнит от имени Аврора. Меня зовут Рори.

– Давай отложим вот это в сторону? – Амелия накрывает мою руку ладонью и аккуратно вытаскивает нож для мяса, в который я вцепилась. Она одаривает меня сочувственной улыбкой.

– Не слушай Данте. У них с отцом свои счеты, он просто пытается втянуть тебя во всю эту грязь.

Не успеваю я собраться с духом, чтобы ответить натянутой улыбкой и вежливым «ничего страшного», как двери с грохотом распахиваются, и в комнату врывается один из охранников с наушником в ухе. Он направляется прямо к Альберто и что-то шепчет ему на ухо. В ту же секунду Альберто, Донателло и Данте выхватывают свои пистолеты из-за поясов и, ни слова не говоря, вылетают из комнаты.

– Вот черт, – доносится шипение с террасы. Я поворачиваюсь и вижу, что Тор выбрасывает недокурную сигарету в темноту и, пройдя через столовую, тоже исчезает в холле с пистолетом в руке.

Волосы у меня на затылке встают дыбом.

– Что происходит?

– Как и ты, могу только догадываться, – шепчет Амелия.

Проходит несколько напряженных мгновений, прежде чем воздух разрезает чей-то грубый голос и взрыв смеха. Я чувствую, как Амелия с облегчением выдыхает, откидываясь на спинку стула, и делает глоток вина. И, говоря о чем-то весело и непринужденно, мужчины Висконти возвращаются в столовую.

– Смотрите, кто пожаловал на ужин! – грохочет Альберто, чье лицо покраснелось от удовольствия.

Не успеваю я посмотреть, кто же там пришел, как мне на плечо аккуратно ложится рука, и я, подняв голову, встречаюсь взглядом с лакеем.

– Синьорина, синьор Висконти приказал пересадить вас в другой конец стола, чтобы освободить место для его гостя.

Я бросаю взгляд на дальний конец стола, где Виттория и Леонардо – близнецы-подростки Альберто – сидят, угрюмо уставившись в свои телефоны. Справа от Виттории есть свободное место, с другой стороны которого расположился Макс. Встретившись со мной взглядом, он растягивает губы в улыбке.

Отлично. Я хмурюсь ему в ответ, а потом пожимаю плечами. Какая разница. Я буду только счастлива убраться подальше от злобного взгляда Данте, который прожигает как лазер, и от перстня с рубином на руке Альберто.

Меня окружают другие слуги, берут мои столовые приборы и ставят на их место новые со скоростью команды механиков на пит-стопе «Формулы-1». Когда я сажусь рядом с Максом, он толкает меня локтем и улыбается.

– Ну разве не приятный сюрприз? Теперь я могу не только любоваться тобой издалека. – Его глаза сверкают, когда он окидывает взглядом мое платье и останавливается на груди. Он сглатывает. – Кстати, прекрасно выглядишь сегодня.

Я рада, что лакею, обслуживающему этот конец стола, не напомнили о том, что мне запрещено пить спиртное. Он наполняет мой бокал красным вином, я делаю отчаянный глоток и поворачиваюсь к Макс.

– Ты же в курсе, что я помолвлена с твоим боссом, да?

– Ты же меня знаешь, – вкрадчиво произносит он, касаясь под столом моего колена своим. – Мне нравится жить на грани. – Вот только лихорадочный взгляд, который он то и дело бросает на главу стола, говорит об обратном.

Макс не один из Висконти, хотя наверняка хотел бы им быть. Он из тех, кого называют партнерами, – в нем нет ни капли итальянской крови, но тем не менее он работает на мафию. Он просто своего рода шестерка, и ему поручают всякую работу, о которую посвященные члены мафии не хотят марать руки. В том числе сопровождение невесты капо в Девилз-Дип дважды в неделю.

От Макса у меня вскипает кровь. У него плотоядный взгляд и загибающие руки, и он напоминает мне тех мальчишек, *из-за которых я стала такой*. Макс ходил в одну школу с Висконти – в престижную Академию Дьявольского побережья, поэтому я знаю, что он в курсе всех сплетен.

Он всего на год старше меня, у него большие карие глаза, а волосы небрежно свисают на лоб, с которого он их сдувает, когда нервничает. Единственная причина, по которой я не сделала ему ничего *плохого*, – это наше соглашение. Я терплю его непристойные комментарии и похотливые взгляды в обмен на два часа в одиночестве в Девилз-Дип. Мы оба знаем, что его ждут серьезные неприятности, если Альберто узнает, что он не следит за мной неотступно, так что это наш маленький секрет.

Дзинь, дзинь, дзинь.

Звон столового серебра, постукивающего о стенки хрустального бокала. Разумеется, это Альберто. Единственное, что он любит больше молодых женщин и рассказов о жизни, – это длинные скучные речи. Я поднимаю на него глаза, когда он прочищает горло, и тут же мой взгляд притягивает мужчину, который занял мое место за столом.

Тело охватывает странное ощущение, которое мозг лихорадочно пытается осмыслить. Оно пробегает от копчика вверх до самой шеи, которую обвивает словно удавка. Я с трудом сглатываю и пристально смотрю на профиль мужчины. Острые скулы, щетина на подбородке.

Ой, фламинго.

Это он. Тот мужчина с обрыва. Тот самый, с сигаретой, ботинками и равнодушным тоном. *Самоубийство – это грех.*

Он пронзает меня равнодушным взглядом, и его глаза вдруг темнеют.

Я отвожу глаза, теребя трясущимися руками салфетку у себя на коленях. Сердце у меня колотится так, будто пытается вырваться из грудной клетки, и я чувствую, как под моими бедрами собирается пот, и вжимаюсь глубже в сиденье стула. К тому моменту, когда я нахожу в себе силы снова посмотреть на него, он уже переключил свое внимание на Данте. Сидя неподвижно и молчаливо, мужчина слушает его с нейтральным выражением на своем совершенном лице.

Альберто прочищает горло, стучит по бокалу еще сильнее. Все в комнате наконец затихает.

– Прошу внимания, – гремит он. С акулей ухмылкой поворачивается к гостю и поднимает стакан. – У нас неожиданный, но очень желанный гость сегодня. Выпьем за моего любимого племянника, Бешеного Висконти.

Племянник. Бешеный.

Я тону в радостных возгласах, наполнивших столовую.

Подношу бокал к губам, выпиваю кроваво-красную жидкость до последней капли и протягиваю емкость лакею для новой порции.

У меня неприятное предчувствие, что она мне понадобится.

Глава третья. Рори

Возбуждение в столовой постепенно утихает, и ссора Альберто с Данте кажется уже давно забытой.

По щелчку украшенных перстнями пальцев моего жениха начинается ужин.

От рояля доносится упрощенная версия «Аве Марии», служащая фоном для непринужденной болтовни. Вино и виски льются в мой бокал в таких же количествах, что и в любой другой, но это не помогает притупить тревогу, нарастающую у меня под кожей.

Я не могу отвести от него взгляда.

Сначала я наблюдаю за каждым его движением в ожидании момента, когда он скажет Альберто, что узнал меня. Девушка в спортивных штанах, которая стоит, покачиваясь, с занесенной ногой над обрывом. Одна. И я жду, что Альберто, стиснув челюсти, пригвоздит меня своим испепеляющим взглядом, точно так же, как он сделал это в прошлую пятницу, когда я опозорила его, оборвав шторы. Но в этот раз последствия будут куда более серьезными, чем пощечина или резкий рывок за волосы.

Но когда четвертый стакан мерло согревает мне желудок, страх уступает место любопытству.

Он едва ли произнес хоть слово. Едва пошевелился. Когда подали закуски, он снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула, оставшись в кремовом свитере, облегающем его тело, словно вторая кожа. С тех пор он сидит с прямой спиной, его руки сжаты в кулаки и покоятся по обе стороны от нетронутой тарелки, в то время как Альберто и Данте разговаривают.

Он ни разу больше не посмотрел на меня.

Возможно, первоначальное изумление отпустило меня, или вино наконец подействовало на нервы, но я начинаю думать, что мне привиделся его мрачный взгляд, когда Альберто представил его. Он был мимолетным, я, наверное, просто оказалась в поле его зрения. Да и каковы шансы, что он меня узнает? На обрыве он взглянул на меня лишь раз, когда повернулся, чтобы уйти, а я все время была в капюшоне.

Да. Все в порядке. Все будет хорошо.

– Ты из-за меня нервничаешь?

Слова произнесены таким тихим шепотом, что я едва улавливаю их. Оторвав взгляд от другого конца стола, я смотрю на Макса.

– Что?

Он облизывает губы.

– Ты дергаешь ногой и даже к еде не притронулась. Ты нервничаешь оттого что сидишь так близко ко мне?

Если бы мне не нужно было, чтобы он навещал моего отца два раза в неделю, я бы подрезала тормозные шланги в его машине.

Вместо того чтобы огрызнуться, я переключаю внимание на Витторию, сидящую слева от меня. Она двигает крабовую ножку с одного края тарелки на другой, шелковистые черные волосы закрывают ее лицо.

– Виттория?

– Я решила стать вегетарианкой, – заявляет она, с отвращением тыкая конечность краба. – Крабы кричат, когда их варят. Вы знали об этом?

– Хорошо, что этих жарили, – сухо отвечает Леонардо, сидящий напротив нее, не отрывая взгляда от своего айфона.

– Придурок, – бурчит она и откладывает вилку в сторону.

Они с Леонардо близнецы, им всего по шестнадцать лет, но они уже ненавидят все эти семейные ужины, почти так же сильно, как и я.

Я легонько касаюсь ее руки и шепотом спрашиваю:

– Эм, а это твой двоюродный брат?

Она бросает салфетку на разделанного краба и поднимает угрюмый взгляд.

– Анджело? Да, сто лет его не видела.

Анджело. По крайней мере «Бешеный» – это не его настоящее имя.

– И он из клана Холлоу? Не встречала его раньше.

Переступив порог этого особняка, я почувствовала себя как в фильме «Крестный отец». Достаточно быстро изучив генеалогическое древо, я до сих пор слабо представляю, что кому здесь принадлежит. Об Альберто и сыновьях часто говорят как о клане Коув, а об Альфредо, его брате, – как о главе клана Девилз-Холлоу, которая находится в двадцати минутах езды отсюда. У них там завод по производству виски и еще какие-то предприятия, о которых мне мало что известно. Но с сыновьями Альфредо я виделась пару раз, и этого парня среди них точно не было.

– Не-а, он из Девилз-Дип.

Я моргаю.

– Девилз-Дип?

Она смотрит на меня как на дуру.

– Анджело из клана Девилз-Дип. Ну, знаешь, из твоего города.

У меня стынет кровь в жилах.

– В Девилз-Дип нет никакого клана, – почти шепотом говорю я.

Нет. Не может быть. В Девилз-Дип нет Висконти, в этом же вся суть того самого соглашения.

– Сейчас и правда нет. Он должен был стать преемником, когда дядя Алонсо умер, но так и не взялся за это.

– Дядя Алонсо? У Альберто есть еще один брат?

– *Был.* Говорю же тебе, он умер.

– И почему Анджело отказался занять его место?

Она вздыхает так громко и раздраженно, как умеют только избалованные подростки.

– Спроси у него самого. Он же прямо здесь сидит.

– Тсс, – шикаю я.

Я запиваю новую информацию глотком вина, но легче мне не становится. Я свирепо смотрю в другой конец стола поверх бокала. Анджело Висконти. Значит, у этого таинственного придурка есть имя. Я неотрывно слежу, как он наконец начинает шевелиться впервые с того момента, как подали закуски: всего лишь откидывается на спинку стула и потирает руки так, что его огромные бицепсы проступают под свитером.

Кажется, ему скучно.

Слуги убирают тарелки и доливают вина в мой бокал. Разговор за столом продолжается, но звучит он приглушенно, как будто я под водой. Ветер проникает сквозь щель между французскими дверями и нежно щекочет мне шею, искушая меня, дразня мыслью сбежать из этой убийственной столовой и никогда больше не видеть ни одного из Висконти.

Постепенно мое отвращение к этой семье сосредотачивается на одном ее члене. Мой взгляд обжигает щеку Анджело.

Самоубийство – это грех. Но в Девилз-Дип есть что-то такое, от чего хочется броситься вниз, правда ведь?

Следующий глоток вина горчит у меня на языке. Теперь, когда мне удалось убедить себя в том, что он меня не узнал, я больше не боюсь, что он расскажет Альберто о той встрече, и мой страх превращается в нечто более темное: в ненависть.

Он думал, что я собираюсь прыгнуть, и... ничего не сделал, только сказал, что лететь я буду долго. Он оставил меня там, на краю пропасти.

И даже не обернулся.

Если за последние два месяца я чему и научилась, так это тому, что Висконти жестокие. Но он? Святая ворона, в этом точеном теле нет ни капли человечности.

Возможно, поэтому Альберто назвал его Бешеным.

– Аврора? Э-э, может, тебе стоит притормозить? Ты, кажется, уже перебрала.

– Заткнись, Макс.

Пuls сбивчиво стучит у меня в ушах. Мне надоело притворяться, что я не пью, и теперь сверлю взглядом его висок. *Ну что за урод.*

Вдруг я слышу свое имя.

– Что?

Я понимаю, что вопрос слетел с моего языка громко и резко, потому что все замолчали и уставились на меня.

Раздается скрежет вилки по тарелке. Кто-то покашливает.

– Я как раз говорил Анджело, что ты из Девилз-Дип, – говорит Альберто, пронзая меня настороженным взглядом, будто предупреждает: *«Только попробуй меня опозорить»*. – Анджело тоже там вырос. Я уверен, что вам двоим будет о чем поговорить.

Анджело бросает взгляд на свои часы, а потом снова смотрит поверх головы Данте на обои.

– Не о чем говорить особо, – растягивает он. – Это место просто дыра.

Тор громко смеется, а Данте рядом с ним усмехается в свой стакан.

– Что же ты вернулся тогда?

Тишина. Раскаленная и тяжелая. Мое язвительное замечание повисает в ней как уродливая картина.

Ой, воробей. Что я наделала?

Я не только огрызнулась в присутствии Альберто, но еще и невольно проговорила, что видела его племянника в Девилз-Дип. А это значит, что, уезжая, я не просто навещаю отца и возвращаюсь обратно, как предполагалось. Сердце учащенно бьется, в горле пересохло, и мне хочется проглотить свои слова так же быстро, как они вырвались у меня изо рта. Особенно когда Альберто хрустит костяшками пальцев и что-то злобно бормочет на итальянском.

Внезапно до меня доходит, что что-то не так. Я единственная, кто смотрит на Альберто в ожидании его реакции. А все остальные? Их внимание обращено к Анджело. Они как будто ждут, затаив дыхание, что же он будет делать дальше.

Я заставляю себя тоже перевести взгляд на Анджело и осознаю, что он смотрит прямо на меня. Его взгляд тяжелый и холодный. Безразличный. Он словно смотрит на долларовое меню в «Макдоналдсе», а не на девушку, которая только что бросила ему вызов.

Следующие несколько секунд тянутся, кажется, целую вечность. Затем он поднимает свой стакан с виски, делает ленивый глоток и поворачивается к Данте.

– Рэйф говорит, что ты обновляешь гранд-отель. Дорого, наверное.

И вот так запросто напряжение растворяется в разговоре о последнем бизнес-проекте Висконти. Все забыли о моем крошечном акте неповиновения, но я все не могу избавиться от ощущения, что последствия моего остроумного пьяного высказывания дадут знать о себе позже.

Когда слуги уносят остатки десерта, Альберто поглаживает себя по животу, хлопает в ладоши и объявляет:

– Время вечеринки!

Отлично.

Стулья со скрипом отодвигаются, и все направляются через вращающиеся двери на цокольный этаж. Вместо того чтобы последовать их примеру, я, пошатываясь, иду в гостевую ванную комнату рядом с кабинетом Альберто. В ту самую, где подружка Тора предположительно нюхала кокаин с позолоченной раковины.

Мне нужна лишь пара минут, чтобы собраться с мыслями. Немного протрезветь. Вино ударило мне в голову, и я едва держусь прямо на этих шпильках, которые меня заставляют носить Альберто. Мне нужна минутка, чтобы передохнуть от этой семьи. Посидеть в тихой комнате, а потом умыться холодной водой и...

– Ай!

Внезапно кто-то хватается меня за запястье. Разворачивает и прижимает к стене коридора. Здесь темно, и пьяный туман застилает мне глаза, но я чувствую запах сигар и алкоголя в горячем дыхании Альберто. Я поворачиваю голову в сторону, задыхаясь от тяжести его тела, навалившегося на меня.

Так я буду чувствовать себя в нашу первую брачную ночь?

– Альберто!

Его толстая рука хватается меня за нижнюю челюсть, не давая продолжить.

– Не вздумай еще раз опозорить меня, как сегодня, – шипит он, наклоняясь так, что его влажные губы касаются моего носа. – Если будешь вести себя как непослушная соплячка, то я накажу тебя как непослушную соплячку. – Он усиливает хватку, угрожая сломать мне челюсть. – Я заберу медперсонал твоего отца и положу конец твоим поездкам. Поняла? – Несмотря на боль, я чувствую облегчение. Он не понял, что я видела Анджело в Девилз-Дип, он просто злится, потому что я огрызалась. Я дергаю головой, зажатой у него в руках, потому что не могу даже кивнуть. – Хорошо, – спокойно произносит он и кажется довольным моим внезапным послушанием. Я уже думаю, что он высвободит меня, но он этого не делает. Он еще сильнее прижимается ко мне.

Это что... *Святая ворона*. Выпуклость, упершаяся мне в бедро, подсказывает, что он *больше* чем просто доволен. Желчь подкатывает к горлу, а я борюсь с желанием пнуть коленом ему по яйцам.

– Или, быть может, я не стану ждать первой брачной ночи, чтобы взять то, что принадлежит мне.

У меня замирает сердце. Угроза Альберто, заряженная, как пистолет, повисает в крошечном пространстве между нами. Мою щеку обжигает его дыхание, которое становится все тяжелее в тишине.

– Поняла, – хриплю я.

Он не из тех, кто пропускает вечеринки, поэтому отпускает меня и тяжелым шагом уходит по коридору.

– Тебя должно быть видно, но не слышно, Аврора, – ворчит он через плечо. – Научись держать свой хорошенький ротик на замке.

Я стою, прижавшись к стене, пока звук его тяжелых шагов по мраморному полу не исчезает полностью. Я убегаю в ванную и запираю за собой дверь. Тяжело дыша, я наваливаюсь на раковину и смотрю на свое отражение в зеркале.

Три года плохих поступков. Возможно, еженедельных исповедей автоответчику анонимного сообщества уже недостаточно? Может быть, мне нужно покаяться в своих грехах. Может быть, необходимость каждый день видеть в зеркале девушку, которую я не узнаю, и есть мое наказание.

«Кто эта девушка?» – мысленно спрашиваю я у зеркала. Я не узнаю ее под дюймовым слоем макияжа и с этими прямыми волосами. Несмотря на то что я кровью подписала соглашение с Альберто, я никогда не стану Авророй Висконти. Я навсегда останусь Рори Картер из Девилз-Дип. Той Рори, которая носит кудряшки, спортивную одежду фирмы «Лулулемон»

и кроссовки. Той Рори, которая может развести костер с помощью банки из-под газировки и опознать больше трех сотен птиц по одному их щебетанию.

Я вздыхаю. Протяжно и отчаянно. Весь воздух выходит из моих легких и закручивается вокруг меня. Я плюхаюсь на край сиденья унитаза и кладу голову на руки. *Святые воробушки, как же болит челюсть.*

Когда я заключала сделку с Альберто Висконти, он пообещал дать мне все что угодно в обмен на мое согласие выйти за него замуж и нетронутую плоть у меня между ног. В этом соглашении не было ни слова о порезах перстнем и нападении на меня в темных углах коридора.

Я увязла по уши.

Набрав в легкие воздух, я стираю салфеткой винные пятна с губ, разглаживаю платье и готовлюсь идти вниз.

Помни, зачем ты здесь, Рори.

Помни, зачем ты здесь.

Глава четвертая. Рори

В баре на цокольном этаже царит полумрак. Все помещение наполнено беззаботной болтовней и новыми гостями, которых считают недостаточно важными, чтобы приглашать на ужин. Классическая музыка, доносящаяся из динамиков за обшитой дубом барной стойкой, сменилась джазовой.

За зелеными бархатными диванчиками расположены двери от пола до потолка, которые ведут на террасу, где Тор и Донателло о чем-то увлеченно разговаривают в свете тепловой лампы.

Мне претит, что я тут же оглядываюсь в поисках Анджело. Когда я обвожу взглядом море лиц и не замечаю его, как и, собственно, моего ненавистного жениха, меня охватывает паника. Что, если Анджело отвел его в сигарную или игровую комнату и сейчас рассказывает, что видел? Конечно, после моего выпада он уже понял, что к чему.

Я смотрю в сторону сигарной комнаты и вижу Данте у закрытой двери, одна его рука в кармане, другой он держит стакан с виски. Расхаживает взад-вперед.

Данте Висконти не из тех людей, кто расхаживает взад-вперед.

С трудом сглотив, я пробираюсь в сторону бара и сажусь рядом с Амелией. Бармен разворачивается, встречается со мной взглядом и смеется.

– Рори Картер, – ласково говорит он, протирая пивной стакан полотенцем. – Я слышал, ты в последнее время тусуешься с Висконти. А я не верил.

Я прищуриваюсь от желтого света и понимаю, что это Дэн. Он работает с моей подругой Рен в «Ржавом якоре», портовом баре Девилз-Дип.

Я машинально убираю руку с помолвочным кольцом с барной стойки.

– Дэн, привет. Что ты здесь делаешь?

– Взял подработку на несколько часов в частном баре. – Он закидывает полотенце себе на плечо и прищуривается, глядя на меня. – А я никогда бы не подумал, что ты одна из тех девушек.

У меня стучит в висках. *Одна из тех девушек.* Мне даже не нужно оглядываться по сторонам, чтобы понять, о ком он говорит. В Девилз-Дип ходит шутка о том, что цель всей жизни каждой девушки в городе или выбраться оттуда, или выйти замуж за одного из Висконти. А если не Висконти, то хотя бы одного из очень состоятельных мужчин, которым по карману посещать заведения в Девилз-Коув, принадлежащие Висконти.

Я всегда принадлежала к числу первых девушек: целью моей жизни было вырваться из Девилз-Дип, как только мне исполнится восемнадцать. Стоит признать, что жизнь не всегда складывается так, как ты хочешь.

– Что тебе налить?

Что угодно, лишь бы перестать чувствовать.

– Джин-тоник, пожалуйста.

– И мне, – вставляет Амелия, двигаясь ближе ко мне. – Эти пятничные вечера такие скучные, правда? Я еще могу смириться с ужинами, но эти вечеринки... – Она подавляет зевок. – Они же тянутся бесконечно.

– Да уж, – стону я, наклоняясь, чтобы потрогать свежую мозоль на пятке. – Все бы отдала, чтобы смотреть сейчас «Анатомию страсти» в мягкой пижаме.

Она окидывает меня недоверчивым взглядом.

– Ты не похожа на девушку, у которой есть мягкие пижамки. Держу пари, что на ночь ты брызгаешься «Шанель № 5», а на утреннюю пробежку выходишь в платье от Версаче.

Я некрасиво и громко фыркаю, и, если бы Альберто был рядом, он бы еще раз провел своим перстнем по моей коже. Мне хочется рассказать ей, что все, что она видит перед собой,

создано по указке Альберто. Что эти чертовы стринги врезаются мне в задницу, и я уже со счета сбилась, сколько раз защемляла кожу на ногах молниями слишком узких сапог. Но хотя Амелия – моя единственная связь с нормальным миром в стенах этого особняка, она все равно часть семьи. Так что я улыбаюсь и качаю головой, мое фырканье превращается в милый смешок, который я за последние два месяца научилась мастерски изображать.

Мы берем наши бокалы и идем к диванчику у дверей на террасу. Как только мы усаживаемся, Донателло и Тор не спеша заходят внутрь, широко улыбаясь.

– Дамы, мы делаем ставки. Хотите поучаствовать? – спрашивает Тор.

Амелия, нахмурившись, поднимает взгляд на мужа.

– Богом клянусь, Донни. Сколько раз я говорила тебе завязывать с этими дурацкими ставками? Твоя семья – просто кучка мошенников, ты никогда не выиграешь у них.

Донателло наклоняется, чтобы ласково потрепать ее по подбородку.

– Расслабься, *mio amore*⁵. Мы спорим, сколько Данте еще простоит у сигарной комнаты, прежде чем выломает дверь.

Я перевожу взгляд. Данте все еще ходит взад-вперед, но теперь еще и бормочет что-то себе под нос.

Тор смеется.

– Он бесится, что его не пригласили на собрание.

– Что за собрание? – спрашивает Амелия.

– Отец ушел туда с Анджело. Очевидно, хотел поговорить наедине. – Тор засовывает два пальца себе в рот и свистит. Данте злобно смотрит на него, но когда Тор подзывает его, он все же подходит.

– Что? – резко спрашивает он.

Тор хлопает его по плечу.

– Знаешь, как жалко ты выглядишь, стоя у тех дверей, брат? Как будто ты в старших классах, а твоя девушка закрылась на «семь минут в раю»⁶ с другим парнем.

Раздается взрыв смеха, и внутри меня разливается тепло от того, что в кои-то веки смеются не надо мной.

– Отец всегда был им одержим, – рычит Данте, бросая очередной взгляд на дверь. – О чем, черт возьми, они там разговаривают? Его даже посвященным теперь сложно назвать. – Выпив залпом остатки коричневой жидкости в стакане, он со стуком ставит его на ближайший столик и рычит: – К черту, я зайду к ним.

Мы наблюдаем, как он стремительно направляется к сигарной комнате. Тор смотрит на часы, ухмыляется, а потом выставляет руку вперед. Донателло недовольно кряхтит и достает из нагрудного кармана пачку денег. Одними губами он говорит «прости» Амелии, которая смотрит так, будто хочет врезать им обоим.

– Ему сорок, черт возьми, два года, – усмехается Тор, пересчитывая купюры. – А все еще злится из-за этого.

– Из-за чего? – спрашиваю я неожиданно для себя.

Тор опускает взгляд на меня и ухмыляется.

– Анджело трахался с его девушкой на выпускном.

– Зачем?

Он смотрит на Донателло, и они хором отвечают:

– Потому что он Бешеный Висконти.

У меня волосы встают дыбом на затылке.

⁵ Любовь моя (*итал.*).

⁶ Подростковая игра для вечеринок, в которой выбираются два человека, которым нужно провести семь минут наедине в темной закрытой комнате.

– Бешеный?

– Да, он мерзкий ублюдок, – усмехается Тор. – По крайней мере, был таким, пока не стал вести добропорядочный образ жизни. – Толкая Донателло локтем в бок, он добавляет: – Помнишь, как он выбил водителю коленную чашечку только за то, что тот свернул не туда?

Донателло кивает.

– Ага. А помнишь, как он запер всех портовых рабочих в грузовом контейнере и взорвал его только потому, что они не отчитались в судовом журнале? – Он качает головой, словно самому плохо верится. – Я бы никогда не предположил, что из всех посвященных именно Бешеный порвет со своим прошлым.

Тор хлопает Донателло по спине.

– Кстати о подружках, пожалуй, стоит найти Сару.

– Скайлер, – поправляет его Амелия, закатывая глаза. – Ее зовут Скайлер.

– Да пофиг. Не видел ее давно. Она уже наверняка ворует семейный фарфор. – С этими словами Тор протискивается сквозь толпу и исчезает. Донателло, с извиняющейся улыбкой посмотрев на Амелию, следует за ним.

– И так каждый раз, – ворчит Амелия, тыкая соломинкой в кубик льда в своем бокале.

Но я не слушаю. Я наблюдаю за тем, как Данте стучит кулаком в дверь сигарной комнаты. Она распаивается, на пороге маячит силуэт Альберто. Они темпераментно перекидываются парой фраз, после чего Данте разворачивается и пронзает меня испепеляющим взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.